

Борис Инфантьев

Петр Великий в русском фольклоре

1-а Петр Великий — черты эпического героя

Петр Великий во всех записанных собирателями фольклора преданиях и побывальщинах выступает как совершенно эпический (на грани мифологического) героя, в котором присутствуют только положительные черты: чувство долга, ответственности за благо народа, безграничная отвага, смекалка, целенаправленность и разумность действий, физическая сила на грани возможного, трудолюбие, скромность и простота, доступность простым людям, справедливость. И все эти качества определяются, обуславливаются и реализуются, как обычно в фольклорном творчестве, благосклонным отношением к герою судьбы, которая спасает его в самых опасных, самых рискованных ситуациях. И как недвусмысленно явствует из всех латышских фольклорных записей, ему на территории Латвии помогают все: и латыши, и немцы, и даже шведы, от которых он выведывает самые сокровенные тайны¹.

¹ Многие из этих произведений латышского народного прозаического творчества в 1988 году опубликованы в составленном известной латышской фольклористкой, кандидатом филологических наук Алмой Анцелане сборнике «Латышские народные исторические предания». Имя Петра Великого (именно Великого в большинстве опубликованных фольклорных единиц!) я насчитал в 12 преданиях и побывальщинах. Кроме того, во многих вариантах главное действующее лицо упоминается безымянно как царь. Рассматриваемые предания и побывальщины различны и по объему, и по содержанию: в одних упоминается только один единственный случай, связанный с пребыванием Петра на земле латышей, в других подробно излагается целый ряд взаимосвязанных событий, происходивших на протяжении сравнительно большого отрезка времени (например, осада и взятие Риги). Познакомимся вкратце с этими единицами хранения латышской фольклорной прозы. Один связанный с именем Петра сюжет латышских преданий может быть назван «Петр спасает Ригу от взрыва». Предание записано в Вентспилсе в 30-е годы. «Это было тогда, когда шведы с русскими воевали. Петр приоделся таким вроде как нищим, и пробрался неузнанным разведать Ригу. Захотелось ему есть. Пошел по городу поискать еды. Проходит мимо склада с порохом и видит через окно: свеча горит. Ее зажгли шведы, чтобы перед своим уходом взорвать город. Петр сразу сообразил: если свеча догорит — Рига взлетит на воздух. Петр еще зашел в один дом на кухню и попросил поесть. Затем поспешил обратно в стан русского войска. А кухарка на кухне подметила, что у чужака под нищенскими лохмотьями вроде как звезды поблескивают; она поняла, что это русский царь и донесла шведскому военачальнику. Петра ищут по всей Риге. А он вышел из

кухни, увидел на телеге ящик с навозом, который повезут на поле, залез в ящик — так его вывезут через городские ворота из крепости. Шведы его ищут повсюду в городе, а он спешит в русский лагерь, поднимает войско и ведет на Ригу. Прежде всего, поскакал к тому месту, где горит свеча. Она уже почти догорела, пламя почти у порога. Петр вовремя поспел, погасил огонь и спас Ригу от взрыва. Когда Петр во главе войска скакал свечу тушить, скакал так быстро, что у коня подкова отлетела и влетела через окно третьего этажа». Эта подкова, кстати сказать, как рассказывал в 1963 году собирателю фольклора А. Силиню шестидесятилетний Алфредс Кронис в Иманте, и по сей день красуется прикрепленной у окна третьего этажа дома на улице Калью. Другой собиратель латышского фольклора Я. Клапарс в Яунпиебалге в 1928 году записал другое предание о том, как Петр Великий самолично руководил сражением неподалеку от Яунпиебалгского кладбища. В этом предании сохранились даже точные сведения, где располагались обе армии: шведские войска стояли «где теперь находится усадьба Пуки, русские — напротив». Бой происходил рано утром. Поначалу казалось, что одолевают шведы, потом перевес получили русские. «Ужасно выглядело поле битвы после сражения. Небольшой ручеек в лесу окрасился от крови в красный цвет, поэтому его и теперь называют «Сарканпалте» (Красный ручей). К югу от железнодорожного полотна, — продолжает свой рассказ Я. Клапарс, — холмик. Под ним лежат шведский генерал с золотой саблей и серебряным щитом. Убил его один русский солдат. Шведы шапками нанесли песок и засыпали своего генерала. Чтобы вода не залила покойника, к земле прибавляли углей».

В разных латвийских регионах можно отыскать места, так или иначе связанные с Петром Великим. В 1939 году четырнадцатилетний школьник Арнолд Зуйка записал предание о большом камне в Бауске на малой Базницас улице, где «во время Северной войны царь Петр Великий останавливался со своим войском и обедал на этом камне. Под камнем до сих пор хранится золотая сабля царя». Ряд преданий посвящен чудесному спасению царя Петра от преследовавших его шведов. Одно из таких преданий, записанное в 1966 году во время фольклористической экспедиции М. Ауном от Индрикиса Круклиса в Валмиерском районе, повествует о том, что однажды шведы настигали Петра на старой шведской дороге из Руены в Валмиеру, проложенной через непроходимые в те времена руенские леса. «Шведы гнали за ним. Петр Великий нигде не мог укрыться. Забежал в одну усадьбу при дороге. И в печь. Велел хозяйке, если появятся шведы, делать вид, что собирается растапливать печь». Так оно и произошло, и Петр был спасен. «Когда пришел к власти, — продолжает рассказчик, — хозяйке эту усадьбу подарил (до конца XIX века усадьбы латышским крестьянам по большей части принадлежали на правах аренды, *Б.И.*), никаких налогов хозяйка не должна была платить». В другом предании, записанном в том же 1966 году участником фольклористической экспедиции М. Берзинской от 92 летней Лизы Мейстере в Розуле Цессисского района, Петр, спасаясь, забежал в Алуксненскую церковь. В доме пастора Глюка Петра спрятала воспитанница пастора. Благодарный Петр спросил пастора, сколько заплатит за спасение. «Ты сам должен знать, что делать», — ответил пастор. И Петр женился на воспитаннице пастора, которая потом стала императрицей

1-б Отношение к Петру в русском фольклоре

Примерно такое же отношение к Петру Великому мы видим и в большинстве опубликованных подлинных русских произведениях фольклора — преданиях, побывальщинах, многочисленных известных исторических песнях и в тех типичных сказках «о царях и королях» — по большей части бродячих сюжетах, которые сочетаются с именем Петра так же, как в фольклоре других народов они сочетаются с именами властителей своего народа (например, Франца Йосефа в Австро-Венгрии, Вильгельма в Германии, Людовика во Франции).

1-в Критика Петра в русском фольклоре

Но в отличие от латышского фольклора, в русском такая положительно-восторженная трактовка образа Петра Великого — только часть известных фольклорных записей о великом государе, хотя и преобладающая. Но и в этом фольклоре, положительно оценивающим личность великого государя, появляются полностью отсутствующие в латышском фольклоре произведения либо фольклорного жанра, либо стоящие на грани фольклорных произведений и воспоминаний (которые зачастую становятся, переходя из уст в уста, побывальщиной или анекдотом). В этих произведениях звучит разная по своей интенсивности струна критических замечаний, в которых говорится о подчас чрезмерной жестокости Петра, хотя и справедливой, его вспыльчивости и нетерпимости. Отличаются эти произведения тем, что нередко в них называется место и время действия, имена тех лиц,

Екатериной. Не во всех преданиях о Петре Великом его дела и дни связываются только с Северной войной. В предании о том, как произошло название Озолмуйжи, фольклорист О. Берзиньш в 1934 году от Я. Лиелпина в Даугавпилсе записал такой сюжет. Петр Великий заблудился в лесу. Его вывел из чащобы какой-то убежавший от помещика крестьянин, ставший теперь браконьером. За спасение царь наградил беглого крестьянина землей, подарив ему столько, сколько тот может обскákat на царском коне за одни сутки. А Я. Виландс в Талсенском уезде в 1930 году собирателю фольклора К. Арайсу рассказал о некоем безымянном старичке из Кенинциемса, который предупредил Петра Великого о бомбе, заложенной под мостом, по которому должен был проскакать царь, направляясь из Кулдиги в Айзпуте. Старичок сам погиб, но его родичи получили написанную на бычьей коже грамоту, на которой были прописаны все их привилегии: освобождение от налогов и т.д. Кожа была завернута в материю и еще в одну бычью кожу. Варианты этих преданий встречаются и без упоминания имени Петра. Инфантьев Б. «Образ Петра Великого в латышских народных легендах, преданиях, побывальщинах». (Клио. — 2003, №2, с. 6-7)

с которыми то или иное событие произошло. Иногда такие повествования складываются в целые циклы (например, о шуте Балакиреве), которые становятся достоянием и соседних народов, например, латышского фольклора (например, о том же шуте Балакиреве).

1-г Фольклорные источники исходят из круга лиц близких к Петру

Среди опубликованных материалов преобладают записи современников Петра, или людей, записавших эти предания со слов очевидцев (Голиков, Неплюев, иностранные источники, в том числе и немецкие-остзейские). И лишь совсем небольшое количество подлинно фольклорных преданий, записанных из уст народа в наше время (то есть в конце XIX, начале XX века).

Из сказанного можно сделать вывод: подавляющее большинство таких повествований относится к кругам, близким к Петру (речь идет не только о боярском и дворянском сословии, но и о купцах, мастеровых и крестьян-предпринимателей, которые непосредственно общались с царем).

2-а Образ Петра в первой группе источников

Каким же представляется образ Петра в произведениях этой группы? Воображение людей из петровского окружения, независимо от их сословной принадлежности, поразило прежде всего необычное для царского сана пристрастие к простому, черному физическому труду. «Вот-оно царь так царь, — восторженно отзываются о нем люди труда, — даром хлеба не ел, лучше бурлака работал».

Одно из наиболее популярных преданий этого цикла Саардамский плотник давно уже стало достоянием художественной литературы (и не только русской!), музыкальных драматических произведений и изобразительного искусства. Не менее популярно предание о соревновании Петра с кузнецом (Петр гнет как негодные подковы, кузнец — серебряные рубли). Предание это перешло и в латышский фольклор. Широко распространено в разных вариациях предание о Петре-лоцмане, обслуживающем иностранцев, прибывающих на кораблях в Петербург или в Ригу. Практическая деятельность Петра затрагивает и такие сферы, как медицину: Петр вырывает больные зубы, вытаскивает у Ганнибалы глисты и т.п.

2-б Особенности царя: трудолюбие и пренебрежение сословными привилегиями

Примечательно, что занятия физическим трудом для Петра — это только хобби. Это — пример для подражания его аристократического окружения. Поэтому когда на заводе Миллера Петр кует железо, все его приближенные должны ему помогать — раздувать горнило, подносить материал, подавать инструменты. Гордость царя — его мозолистые руки, которые он неоднократно показывает своим приближенным в наидание тому, что все должны трудиться.

Вторая необычная для царского сана особенность — пренебрежение сословными привилегиями и ограничениями с ними связанных, которые еще так недавно на Руси лежали в основе взаимоотношений людей. Петру ничего не стоит возвысить трудолюбивого слугу-калмыка, слугу ленивого дворянина Спафариева. Сюжет этот также широко использован в художественной литературе, в кинофильмах о Петре.

2-в Справедливость царя

Одно из наиболее часто упоминаемых качеств Петра в русских преданиях и побывальщинах — его справедливость. Да, нередко царь оказывается беспричинно вспыльчивым и даже жестоким. Но каждый раз в преданиях этого типа побеждает чувство справедливости, стоит только Петру узнать причину того или иного проступка. И его гнев сменяется милостью. Петр целует и обнимает Лефорту, на которого только что поднял шпагу. Петр обнимает, просит прощения у одного эстляндского помещика, которого только что огрел своей тростью за то, что тот не успел договорить до конца своей фразы: «казенных лошадей не дам — дам своих собственных».

Перед заслуженным гневом царя все равны. Этого гнева не избежать даже самым близким любимцам царя Меньшикову и Монсу.

Закон для Петра — выше его царской воли. Царь подчиняется решению Сената, решению Рижского магистрата. Последняя легенда столь примечательна для нас, что стоит на ней остановиться подробнее. Восходит она к реальному факту и помечена 18 ноября 1711 года, когда Петр впервые после присоединения Риги посетил столь полюбившийся ему город. Предание содержит также историю этого сообщения: «Об этом происшествии Голиков слышал от своего товарища по торговле купца Ивана Волкова, а Волкову рассказывал в 1765 году сам престарелый владетель гака, бывший в то время в той же самой ратуше ратсгером. Рассказывая,

он не мог удержаться от слез умиления при воспоминании о справедливости, оказанной ему покойным монархом».

Справедливость же эта заключалась в том, что Петр поначалу подарил земельный участок («так»), принадлежавший выше названному будущему ратсгеру, Меньшикову, а затем, подчиняясь решению ратуши, возвратил этот земельный участок своему прежнему владельцу.

2-г Жестокость и бережливость царя

Кстати сказать, жестокость Петра, ставшая притчей во языцех у русских и иностранных повествователей о царе, признавалась и им самим как необходимость для достижения высоких целей преобразования и европеизации России, что он считал целью всей своей жизни. В опубликованных преданиях о Петре не осталось не отмеченной и такая необычная для царского сана черта как бережливость. Широкою огласку получило предание о гневе царя на дворянина Корсакова, приехавшего из-за границы, панталоны которого оказались богаче и роскошнее, чем одежда самого государя. Сам царь гордится своими заплатанными чулками.

3-а Фольклорные источники XIX и XX вв.

Записанные уже в наше время (то есть в конце XIX, XX вв.) предания из «уст народа» обладают всеми свойствами, в том числе и отрицательными, которые присущи фольклору: фрагментарностью, непоследовательностью и нелогичностью композиции, противоречивостью.

3-б Образ Петра в сборнике В. Добровольского

Всеми этими недостатками отличается особенно важное для нас предание (или вернее: комплекс преданий, опубликованный в сборнике В. Добровольского и озаглавленный «Петр Великий и рижский купец». Текст явно контаминирован, вообрал в себя несколько вариантов различных преданий о том, как Петр собирался воевать Ригу. Одно из этих преданий находится в заключительной части повествования и представляет собой завершенный сюжет:

«Царь ходит по Москве и думает, как бы пушек налить, думает собрать с Расеи пятаки для литейных пушек. И шел по Москве в простой одежде. Встречается с ним человек. Спрашивает царь:

— Что ты за мастер?

— Я своему делу мастер.

— Кто ж ты такой?

— Я медник.

Он ему рубль подарил.

— Скажи мне, братец, про дело, что я вздумал: хочу собрать медь, налить пушек.

— Царь, я тебе совет дам: вы по колоколу с каждой церкви снимите и налейте пушек. На что ж тебе столько пушек?

— Пойду Ригу завоюю».

Второй сюжет этого сводного текста, который может рассматриваться как близкий к первому, также связан с добыванием пушек, предположительно более раннего периода свершения своего сюжета, тех отдаленных лет, когда на Руси пушек еще вообще не было, и по народному представлению, высказанному в этом фрагменте, их добывание было связано с захватом зарубежья. А первым зарубежьем для русского человека была Рига. С этих позиций и следует рассматривать следующий эпизод анализируемого фольклорного текста: «Когда у России не было пушек, и Петр узнал, что за границей пушки повылизи, он захотел это искусство рассмотреть. Поехал в Ригу. А рижские купцы ездят за товарами в чужие земли. Он нанялся купцу в работники и поехал с купцом за границу. Приехал в Ригу (вернувшись из-за границы, прим. Б.И.), а тут начали подмечать, что он Петр (то есть царь, Б.И.); отдан был приказ на всех заставах, чтобы его не выпустить. Петр распрощался с купцом, пошел в город. Мужик берет навоз. Он (Петр, Б.И.) просит мужика: «Сбрось на меня навоз, я тебе больше уплачу». Петр — в сани, а мужик его навозом прикрыл и вывез из города Риги. Поблагодарил Петр мужика, заплатил горсть золота».

Весьма нелогичная скороговорка становится понятной, если сопоставить ее с латышским преданием о том, как Петр спас Ригу от поджогов шведами ее взрыва перед их уходом. Очевидно, здесь мы имеем дело с заимствованием белорусским фольклором из латышского, что поначалу происходит в Латгалии, а потом попадает и на Смоленщину. Третья часть сводного текста, опубликованного Добровольским, представляет приписанный Петру бродячий сюжет о знакомстве с неизвестным человеком, который оказывается властительной персоной, и большого интереса в контексте нашего исследования не представляет.

3-в Соответствия в русском и латышском фольклоре

Из других подлинно фольклорных материалов поздней записи для нашего внимания как переключаются с латвийско-русскими

или латышскими соответствиями интерес представляют следующие тексты.

В Петрозаводске записано и в 1841 году в Санкт-Петербургских ведомостях опубликовано предание, смысл которого показать, что Петр властен также воздействовать на природу. А именно: он сажает сосну макушкой вниз, чтоб доказать, что он властен над природой. То же самое записали латышские фольклористы о вязе, посаженном Петром в Риге.

В трех различных вариантах с указанием на имеющиеся еще 14 вариантов опубликовано предание-побывальщина о том, как заблудившегося в лесу Петра спасает беглый солдат. В латышском подобном варианте вместо солдата — беглый крестьянин-браконьер. Латвийское предание приурочено к конкретной местности.

То же следует сказать и о предании, в котором заблудившийся в лесу Петр влезает на дуб в надежде увидеть где-либо огонек.

В латышском аналогичном варианте Петр влезает на сосну. И так же на месте той сосны по латышскому преданию строится церковь в определенной местности.

3-г Предание-сказка «Петр, солдат и разбойники»

И, наконец, предание-сказка «Петр, солдат и разбойники»² в Латвии известна и в ла-

² Сравните с вариантом русской сказки Забайкалья «Как солдат царя Петра выручил». Служил солдат, служил и затосковал по дому. Никакого терпения нету, охота отца с матерью повидать. И стал у начальства проситься в отпуск. У своего командира попросился, дескать, в отпуск хочу. Тот пошел к своему начальнику. А тот дальше. Так дошло до царя, до Петра, мол, вот како дело: простой солдат в отпуск просится! Царь выслушал, удивился и — видно, под хорошее настроение попало — велел отпустить солдата в отпуск на десять день. Сам сел на коня и поехал на охоту. Там как-то отбился от свиты и заблудился. А солдат тем временем домой дошагивает. Идет этим же лесом, где царь охотился. Шел, шел и видит — человек сидит на пенечке. Солдат его спрашивает: — Ты чё сидишь, мил человек? — А он Петра-то в лицо не знал. — Да вот с коня упал, конь убежал, а я заблудился. Где-то переночевать надо. — Тогда пойдем поищем, како зимовье попадет, может. Вместе они пошли и наткнулись на огонь. Окошечко светит. Подошли — это хороший дом. Стучат. Им открыла старуха, встретила их хорошо. Усадила, угощать взялась. Потом предложила ложиться спать в избе. Но солдат был умный, опытный. Он и говорит: — Мы, бабушка, на крыше переночуем, на чердаке. Царь вроде как засомневался, недовольство показал, но солдат настоял на своем. Вот легли. Подошла полночь. Вдруг подъезжают мужики, много их чё-то! А это разбойники. Старуха им ворота отворила, они заехали, коней расседлали. Заходят в дом, и старуха им говорит: — У нас гости. Наелись, сейчас на крыше спят. Двое. Атаман одного подзывает своего и велит ему лезти на крышу. Тот с ножом полез. А солдат не спит, у дыры-то посиживает, саблю в руках держит. Услышал, что атаман отправляет своего подчиненного, чтобы зарезал их. Вот притаился, сидит. Тот полез, голову-то просунул в лаз, солдат ему — раз! — голову саблей отсек. Опять

тышском, и в русском вариантах.

3-д Отличие латышских от русских преданий о Петре

Критические высказывания, осуждающие человеческие недостатки Петра, о которых речь шла выше, не единственная особенность, отличающая русские предания о Петре от латышских. Существует сравнительно солидное количество преданий о Петре, записанных еще при его жизни заплочными дел мастерами в суровых палатах Преображенского и других приказов, где пытали и допрашивали врагов и злословцев Петра — раскольных старцев, беглых солдат и несмышленных баб, злословящих и самого Петра и его матушку.

3-г Петр и шведская принцесса

В пространстве цитированных и В. Ключевским и С. Соловьевым из архивов упомянутых приказов среди различных наветов и злословий можно отыскать немало подлинных фольклорных произведений сказочного жанра, которые так или иначе переключаются с латышскими преданиями о взаимоотношениях Петра с всемогущей властительницей Риги колдуней, которая в одном латышском предании названа шведской принцессой. По мнению русских фольклористов — это фольклорное перевоплощение правительницы Швеции, сестры Карла XII, которая властвовала в стране в отсутствии своего брата. Ее образ переплетается с теми шведскими властями в Риге, которые так негостеприимно обошлись с Петром в Риге во время его первого

сидит. Так атаман всех перепосылал, а никого назад-то нету. Он заматерился, сам полез. Солдат и ему голову отсек. В это время светать стало. Царь заворочался, пробудился и говорит: — Долго же и крепко я спал! — А солдат ему отвечает: — Э, ты спал, а я всю ночь провоевал. Гляди-ка. — Показал ему на разбойников. — Видишь, сколько разбойников перерубил! Царь подивился. Но чё же, пошли они в избу. А там старуха взялась в них из обреза стрелять. Разбойники-то, видно, ей сыновья были. Солдат изловчился и ей тоже голову отрубил. Тут сундуки стоят, в них денег полно. Солдат набирает этих денег, царю дает. Он же не знает, кто с ём. Потом взяли коней, заседлали и поехали. До дороги доехали, солдат говорит: — Мне дальше, а тебе этой дорогой назад, в город. А Петр уже знает, что это тот самый солдат, который в отпуск отпросился. Говорит ему: — Знаешь чё, когда из отпуска вернешься, попросись-ка к царю. Я там близко служу. Встретимся, поговорим. — Но ладно. Вот разъехались. Солдат отпуск отгулял, назад вернулся. Просится к царю, его ведут. Петр уже предупредил всех, что как такой-то солдат явится, его честь по чести к царю представить. Привели к царю. Солдат смотрит - это же напарник! Дак он же царь! Но не испугался, ниче. Царь с ём поговорил, расспросил, как дома живут, и говорит: — Но, солдат, назначаю тебя генералом! И стал солдат генералом.

посещения шведско-немецкой столицы.

В какой-то мере это предание можно считать «сводным текстом» многочисленных вариантов предания «Петр и шведская принцесса», записанного от старца Варлаама из Святогорского монастыря Изюмского уезда; старец же предание сие слышал от дегтярного дела мастера.

«Царь наш Петр жив. Ходил в Турецкую землю послом, а из той земли пошел в город Стокгольм. А тот город держит царица, и к той царице отписал турок: «Пошел к тебе посол русский царь, понеже наши земли он осматривает». А ты, царица, его не отпустила, посадила под караул. И вместо его изобрала такого же молодца и послала его в Россию на царство. И по приезде своем начал бороды брить и платья резать по-своему и жаловал неверных в высокие чины. И никто его не познал, токмо познала царица, и он ее от себя отринул и взял себе иную, а сам пошел на службу. А царевич остался на царство. И говорил ему царевич: «Ты изволил идти на службу, и меня оставляешь на царство, позволь мне сделать звон, чтоб было слышно на всей земле». А по отъезде его на службу царевич начал неверных гнать, чтоб их не было в царстве. И, услышав, он (царь, *Б.И.*) возвратился. А потом и сам умер, а ее (новую жену, *Б.И.*) пожаловал на царство. А теперь царь наш, из неволи избавившись через купецкого человека, который ездил на корабле с товары. А, пришедши, поднес той царице великие дары, и она за тот дар его чествовала. И пошел он по темницам милостыни давать. И нашел его в особой темнице, а с ним двух человек. И стал он тое царицу просить на корабль к себе на банкет и та царица на корабль со своими служителями пришла и гуляла довольно. И помянутый купец поднес пойла, они все уснули, и с теми кораблями от того города уехали. И как они проснулись, стали его просить, чтоб он отпустил их и «чего желаешь, то тебе дадим». И он (купец, *Б.И.*) им сказал: «Ничего от вас не хочу, только дайте трех невольников. И отдал царя Петра и с ним двух человек. И взявши, он (купец, *Б.И.*) привез их. Да удивляюсь я, что он (царь, *Б.И.*) и поныне не объявился. А о царевиче сказывают, что у тестя своего — цесаря».

Текст этот примечателен кроме всего прочего и тем, что близок к действительности. Но и в этом сказе присутствует уже один важный фольклорный мотив из цикла противостояний Петра и шведской царицы, которая русского царя подменила и на Русь прислала царствовать басурманина.

Примечательна также завершающая

фраза о том, что подлинный царь жив. Остается удивляться только, почему он до сих пор не объявился, тем более, что в предании ясно сказано — подлинный царь умер. Разумеется, это результат контаминации двух различных преданий, в одном из которых царь умер (близко к действительности), а в другом — жив, чудесным образом освобожден из темницы (фольклорный вариант, о котором преимущественно будет речь, как какой-то вариант, так или иначе соприкасающийся с преданием о противостоянии Петра с рижской ведьмой³ — шведской принцессой.

3-д Сказание из Преображенского приказа

В материалах той же Тайной канцелярии сохранилась сходная, но более краткая информация об этом событии, записанном из уст некоего «дяди Самуила»: ... наш государь пошел в Стекольное и там его посадили в заточение, а это не наш государь».

В другом сказании, датируемом 1704 годом и записанном на столе №64 дела Преображенского приказа находим повествование еще более отходящее от предполагаемой первоосновы, содержащее еще больше фольклорных элементов, еще более приближающихся к латышскому фольклорному варианту (сказитель на сей раз не отмечен):

«Как государь и его ближние люди были за морем, и ходил он по немецким землям и был в Стекольном, а в немецкой земле Стекольное царство держит девица, и та девица над государем ругалась, ставила его на горячую сковороду и, сняв со сковороды, велела его бросить в темницу. И как та девица была именница, и в то время князя ее и бояре стали ей говорить: пожалуй, государыня, ради такого своего дня выпусти его, государя. И она им сказала: «Подите, посмотрите: буде он валяться, и для вашего прощения выпущу. И князя, и бояре, посмотрев его, государя, ей сказали: томен государыня!» И она им сказала: Коли томен, и вы его выньте». И они его, вынув, отпустили. И он пришел к нашим боярам. Бояре перекрестились, сделали бочку и в ней набили гвоздя и в тое бочку хотели его положить. И про то узнал стрелец и, прибежав к государю к постели, говорил: «Царь-государь, изволь встать и выйти. Ничего ты не ведаешь, что над тобой чинится». И он, государь встал и вышел. И тот стрелец на постелю лег на его мес-

то. И бояре пришли и того стрельца с постели схватя и, положив в тое бочку, бросили в море. На место царя явился немчин. Это не наш государь, немец, а наш царь в немцах в бочку закован, да в море пущен».

3-е Выводы

И здесь перед нами контаминированное предание. С одной стороны — это мотив о царе в бочке с гвоздями. Другой мотив о чудесном спасении Петра стрельцом, заменившем собой Петра и погибшим за него. Это мотив известен в записях латышского фольклора. Но самое существенное — та же шведско-немецкая царь-девица. К контаминации следует отнести и нелогичное сопоставление: царь-девица Петра милует в «наши» (русские?), бояре его заколачивают в бочку! Или это намек на сопротивление русских бояр петровским реформам?

3-ж Особенности данного сказа

В контексте нашего исследования важны некоторые другие детали этого сказа. Прежде всего, смешение места действия. С одной стороны, называется популярное в русском фольклоре «Стекольное царство» (народная этимология Стокгольма), с другой стороны, немецкой земли, что не может быть не чем иным, как самым крупным городом шведского королевства — немецким городом Ригой. Здесь сказалась реминисценция приключений Петра в Риге, которая, как видим, оставила в сознании русских людей неизгладимое впечатление.

3-з Царь-девица

Вторая, еще более важная деталь. Занимающий центральное место в повествовании персонаж — царь-девица, держащая власть в Стекольном. По единодушному признанию комментаторов — Ключевского и Соловьева, в этом фольклорном образе отразились реминисценции о сестре Карла XII Элеоноре-Ульрике, которая властвовала в Швеции и во время военных походов своего брата и после его смерти. В действительности Петру не приходилось лично посещать Стекольный и конфликтовать с правительницей Швеции в Лифляндии, сражаться со шведской принцессой или рижской ведьмой — охраняющей Ригу от русских во время войны. В творческом же сознании и русских, и латышей русско-шведское противостояние приняло символический образ борьбы двух монархов. Здесь, однако, следует обратить вни-

³ (Подробнее см. "Sen to Rīgu daudzina. Rīga latviešu tautas dāiņradē" R; "Zinātne" 1994, Книга "Сказания о Пире" R; "Zvaigzne ABC" 1996).

мание на одно немаловажное обстоятельство. В латышских сказаниях это противостояние, выработанное взаимной перестрелкой, где Петр по совету своих мудрых советников — солдат, в том числе и шведских, побеждает, застрелив свою противницу особо изготовленными золотыми и рильятовыми пулями (принцесса -ведьма также стреляет в Петра). Но победителем всегда выходит Петр как царь, наделенный особым Божиим расположением. Особо этот мотив подчеркивается в варианте, записанном в 70-е гг. XIX века православным священником Янисом Лицисом.

4-а Вариант, помеченный 1705 годом

В контексте нашего исследования нельзя не отметить еще один вариант, помеченный 1705 годом.

Ладожский стрелец Александр на дороге из Новгорода встретил старца, который говорил ему: «Какой он нам, христианам, государь? Он не государь, латыш: поста никакого не имеет; он льстец, анитихрист; рожден от нечистой девицы. Писано именно о нем в книге Вааламских чудотворцев: и что он головою запрометывает и ногою запинаяется, и то его нечистый дух ломает (Петр страдал припадками эпилепсии, Б.И). А стрельцов он переказнил за то, что его еретичество знали, а они, стрельцы, прямые христиане были, а он бусурманин, а солдаты все бусурманы, поста не имеют. Прямого государя христианского, царя Иоанна Алексеевича, извел он же, льстец. Ныне все стали иноземцы, все в немецком платье ходят да в кудрях, бороды бреют... У него мать была какая царица? Она была еретица, все девок родила».

Изложенные в этом сказании детали были популярны не только среди «старцев» и «стрельцов». Даже бабы, стирая белье, толковали: «...какой он царь? Родился от немки беззаконной.

Он замененный. И как царица Наталья Кирилловна стала отходить сего света и в то число ему говорила: «Ты-де не сын мой, заменный. Он велит носить немецкое платье — знатно, что родился от немки».

4-б Петр — латыш

В контексте нашего исследования самым примечательным в этих сказаниях является наименование латышом. Произошло оно от смешения русскими людьми (этим грешили не только простолюдины, но кое-кто из русских помещиков в глубинке, как о том свидетельствуют латышские анекдоты-побывальщины): «латыш» и «латынь». Это подтверждается записью Преображенского приказа, восходящему к 1700 году: «Московский стрелец Иван Луковников сказал: «Какой он государь благочестивый? Он полатынил всю нашу христианскую веру... Не сила Божия ему помогает, ересями он силен, христианскую веру обругал и облатынил, обманный царь».

4-в Комментарии Соловьева и Ключевского

Комментируя эти и подобные высказывания современников, и Соловьев и Ключевский отмечают их несостоятельность. Подчиняя церковь своей власти, организуя «Всеппянейший собор», потворствуя лютеранам и католикам, Петр на самом деле был глубоко верующим православным человеком, врагом униатов. Однако в сознании приверженцев старой веры и старого благочестия, облик того нового царя, «подмененного», «испорченного» приобретает в сознании этих людей резко отрицательные черты антихриста и латыша (то есть латынца).